
Нина Вронская
ИЗМЕНА
ИНЪЕКЦИЯ ЛЮБВИ
Для ГЕНЕРАЛА

Инна Вронская

Измена. Инъекция любви для Генерала

«Автор»
2026

Вронская И.

Измена. Инъекция любви для Генерала / И. Вронская — «Автор», 2026

Результаты теста передо мной.Высокий риск. Синдром Дауна. 1:12.Муж берет телефон, читает. Долго читает. Потом поднимает на меня глаза.— Понятно, — говорит он спокойно. — Значит, избавишься от него.Я не верю своим ушам. 10 лет попыток, пять ЭКО.— Что?? Евсей, это мой — наш! — ребенок! Мы столько лет ждали! Это может быть ошибкой, нужно пересдать...Мой любимый муж стоит как глыба льда, своим безразличием рушит годы брака.- Никакой ошибки нет. Мне нужен здоровый ребенок. И есть другая любимая женщина, которая уже беременна им!Я сохранила беременность. Мой муж, хирург ,знал об этом, но ни разу не навестил меня в период беременности. И вот я в родах. Ужасная боль и одиночество. И сквозь первый крик моего здорового малыша, я слышу:— Я отец, — кричит мой муж. — И я имею право видеть ЗДОРОВОГО сына!От него меня спасет лишь генерал#ОСТРО#ЭМОЦИОНАЛЬНО#ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ МУЖЧИНА-ГЕНЕРАЛ#ХЭ!

© Вронская И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 11
Г 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Инна Вронская
Измена. Инъекция любви для Генерала

Глава 1

— Он женат, но его жена — старая, больная женщина! — Алина произносит это с такой убежденностью, будто защищает диссертацию. — Они давно не спят в одной постели, вы понимаете? У неё какое-то женское заболевание, она вообще не женщина уже. Он мне всё рассказывал. Говорит, что живет с ней как с соседкой, и это тянется уже много лет!

Сколько раз я это слышала?

Сотни. Тысячи.

«Жена старая», «жена больная», «жена не понимает», «мы не спим».

— Алина, — начинаю я мягко, профессионально, — а вы не думали, что он может преувеличивать степень своего одиночества?

— Нет! — Глаза девушки вспыхивают обидой. — Вы не понимаете! Он приходит ко мне и плачет! Плачет, представляете? Говорит, что только со мной почувствовал себя живым. Что она высосала из него все соки своими болезнями, своими капризами. У них даже детей нет! Она не смогла родить, а я смогу!

— Расскажите подробнее про его жену, — прошу я, готовясь записывать. — Что именно он о ней говорит?

Алина оживляется, чувствуя, что я проявила интерес. Дурочка. Она не понимает, что мне нужно это для диагностики, а не из любопытства.

— Она старше его на пять лет! — выпаливает Алина. — Пять лет! Это же почти старуха! У неё климакс уже давно, она вся больная, вечно ноет. У неё давление скачет, сердце шалит, нервы ни к черту. Он говорит — домой идти не хочется, потому что там больница, а не семья. Она его пилит, контролирует каждый шаг, а сама даже женой быть не может, потому что... ну вы понимаете...

Понимаю. Прекрасно понимаю. Мерзкий стыдливый холод разрастается в груди.

— У них и секса нет давно, — продолжает Алина, понижая голос. — Он сказал, что она вообще к этому делу интерес потеряла. Лежит бревном и терпит, чтобы он отстал. Какая уж тут семья? Он же мужик здоровый, ему нужно...

Слова Алины ранят прямо в сердце. Потому что в моей спальне давно погас свет. Потому что мои попытки забеременеть превратились в обязаловку, в повинность, в галочку в календаре: «сегодня надо».

— А она не работает, — добивает меня Алина. — Сидит дома, лечится, тратит его деньги на свои анализы. А он пашет как лошадь! Он хирург, между прочим, людей спасает, а дома его никто не ждет!

Сердце замирает.

Хирург.

Мой Евсей тоже хирург. Тоже людей спасает. Тоже пашет как лошадь. Так странно слышать это.

— Алина, — я слышу свой голос как со стороны — слишком сухой, слишком официальный, — давайте закончим на сегодня. Мне нужно осмыслить услышанное. Приходите в среду, мы продолжим.

Она уходит, недовольная, что сеанс оборвали так резко. А я остаюсь и смотрю в одну точку на стене. Пятнадцать лет брака. Пятнадцать лет я считала себя счастливой. А сегодня какая-то дурочка с мокрыми глазами заставила меня усомниться во всем.

Нет, стоп.

У меня хороший муж, хороший брак, хорошая жизнь. У нас просто период затишья, это бывает. Мы переживем, мы сильные.

Я собираюсь домой медленно, словно оттягивая момент. Почему-то не хочется возвращаться в пустую квартиру. Хотя какая разница, пустая или полная, если Володя все равно на сутках?

Чарли встречает меня в прихожей, скулит, крутится под ногами. Единственное живое существо, которое действительно радо мне всегда.

— Привет, мой старичок, — я глажу его по седой морде. — Соскучился? Я тоже.

В прихожей темно, только свет от уличных фонарей пробивается сквозь жалюзи.

На тумбочке лежит телефон. Я беру его, смотрю экран. Сообщение от Евсея: «Извини, срочная операция. Буду поздно. Ложись спать, не жди. Целую».

Целую. Смайлик без души. Я смотрю на это сообщение и вдруг понимаю, что не помню, когда в последний раз чувствовала его губы на своих. Не чмоканье в щеку на бегу, а настоящие, долгие, с душой.

Чарли тычется носом в мою ладонь, напоминая о себе. Я вздрагиваю, прогоняя мысли.

— Пойдем, Чарли. Есть будем.

На кухне я наливаю себе чай, сажусь у окна. За стеклом — вечерняя Москва, чужие окна, чужие жизни. Где-то там люди ужинают вместе, смотрят телевизор, занимаются любовью. А у меня — чай в одиночестве и старый пес у ног.

— Ты знаешь, Чарли, — говорю я вслух, потому что молчать уже невозможно, — сегодня была девушка. Влюбленная в женатого. У него жена старая и больная, не может родить, не хочет секса, сидит на его шее. Прямо как я, да?

Чарли поднимает голову и смотрит на меня преданными глазами.

— Только я не старая, — продолжаю я. — Мне сорок два, это не возраст. И не больная, тьфу-тьфу. И работаю, между прочим, приношу деньги. И секса хочу. И ребенка пытаюсь родить. Но если посмотреть со стороны... Евсей тоже приходит поздно. Тоже всегда занят. Тоже спит в другой комнате, чтобы «не мешать».

Я замолкаю, потому что голос срывается. Чарли кладет голову мне на колени, и я глажу его жесткую шерсть.

— Глупая ты, Настя, — шепчу я. — Сама учишь людей разбираться в своей жизни, а у самой…черт ногу сломит.

Телефон на столе мигает — новое сообщение. Я хватаю его с надеждой, но это реклама в мессенджере. Муж молчит. Он на операции. Он всегда на операции, когда я его жду.

Я представляю Алину.

Где она сейчас?

Может быть, встречается со своим любовником, пока его «старая больная» сидит дома и ждет? Интересно, та женщина знает, что ее муж называет ее старой и больной? Знает, что он ищет утешения на стороне? Знает, что скоро, возможно, какая-то молодая дура принесет ему ребенка, которого она сама родить не смогла?

Она знает, какого это быть обманутой женой?

Глава 2

Утро начинается с тошноты. Резкой, внезапной, такой, что я едва успеваю добежать до ванной. Меня выворачивает наизнанку, перед глазами плывут круги, холодный пот выступает на лбу.

— Настя?

Голос Евсея за дверью. Я слышу его шаги, потом дверь приоткрывается. Он заходит, смотрит на меня, склонившуюся над унитазом, и в его глазах — пустота. Ни жалости, ни тревоги, ни желания помочь.

— Евсей, — поправляюсь я хрипло, — держи меня... волосы...

Он не двигается. Стоит в дверях, сложив руки на груди, и смотрит так, будто я симулирую. Будто я специально встала в шесть утра, чтобы разыграть перед ним спектакль.

— Сделай тест, — говорит он жестко. — Не верю я в такие совпадения.

Холод прошивает насквозь. Что значит — не верит? Мы же старались, мы же планировали, мы же... Или не мы? Последние месяцы наши попытки зачать больше походили на обязательную гимнастику. Раз-два-три, сделали дело, можно расходиться по своим спальням.

Дверь закрывается. Щелчок замка звучит как пощечина.

Я остаюсь одна. Сижу на холодном полу ванной, обхватив унитаз, и слезы текут сами собой. Пятнадцать лет брака. Пятнадцать лет я считала, что у меня есть опора. А сейчас меня тошнит, а муж даже волосы не придержал. Просто постоял, посмотрел и ушел. Как чужой.

— Господи, — шепчу я в пустоту. — Что с нами происходит?

Но ответа нет. Только холодный кафель под коленями и горький привкус во рту.

Я беру себя в руки. Умываюсь холодной водой, чищу зубы, привожу лицо в порядок.

В аптечке с прошлого месяца завалялся тест. Я купила его тогда, в очередной раз надеясь на чудо. И вот теперь, трясущимися руками, я делаю то, что велел муж.

Жду. Смотрю на белую полоску. Одну. Вторую.

Две.

Яркие, четкие, жирные — две полоски.

Сердце останавливается, потом начинает колотиться где-то в горле. Беременна. Я беременна. После стольких лет попыток, после стольких разочарований, после того как я почти перестала верить...

— Евсей! — кричу я, вылетая из ванной с тестом в руках. — Евсей, смотри!

Он на кухне. Пьет кофе, читает что-то в телефоне. Поднимает глаза на меня, на тест, и я жду... Чего я жду? Радости? Объятий? Слез счастья?

— Поздравляю, — говорит он ровно. Без улыбки. Без тепла. — Только не обольщайся раньше времени. У тебя возраст, всякое бывает.

Я замираю с тестом в вытянутой руке, как дура.

— Что значит «не обольщайся»? — голос дрожит. — Евсей, у нас будет ребенок! Мы столько лет ждали!

— Я знаю. — Он отворачивается к окну. — Просто не кричи. Поздравляю ТЕБЯ!

Тебя, не нас…

Я медленно опускаю руку. Смотрю на тест, на эти две полоски, которые еще минуту назад казались главным чудом в моей жизни. Теперь они выглядят просто куском пластика.

— Ты не рад? — спрашиваю тихо.

— Рад, — отвечает он, не глядя на меня. — Просто устал. Сутки были тяжелые. Давай потом обсудим.

Я выхожу из кухни. Иду в спальню, ложусь на кровать, прижимаю тест к груди и плачу. Чарли запрыгивает рядом, тычется носом в мокрую щеку. Хоть кто-то рад моим слезам.

— Почему, Чарли? — шепчу я. — Почему он такой? Мы же хотели, мы же пытались... Или я одна хотела?

Чарли вздыхает и лижет мою руку.

Двенадцать недель я живу как в тумане. Токсикоз мучает, но я терплю. Записываюсь на скрининг, выбираю клинику, читаю форумы для будущих мам. Евсей не спрашивает, как я себя чувствую. Не провожает на УЗИ. Не предлагает сходить вместе.

— У меня операция, — бросает он утром в день скрининга. — Сама сходишь.

Сама. Я всегда сама. Сама делаю тест, сама переживаю токсикоз, сама иду на первое УЗИ. Какая же я дура, что списываю это на его усталость. Как слепая, которая не хочет видеть очевидного.

В кабинете УЗИ тепло и полутемно. Врач водит датчиком по моему животу, на экране что-то шевелится — крошечное, живое, мое.

— С ребеночком всё хорошо, — улыбается врач. — Развивается по сроку. НИПТ делали же, по возрасту положено. Сегодня результаты придут, на всякий случай.

— А зачем? — спрашиваю я. — УЗИ же хорошее?

— Подстраховка, — уклончиво отвечает врач. — Не волнуйтесь, скорее всего, всё в порядке.

Я не волнуюсь. Я счастлива. Я видела своего малыша, слышала его сердцебиение. Всё хорошо.

Вечером я прихожу домой, кормлю Чарли, жду Евсея. Он задерживается, конечно. Пишет: «Операция затягивается». Я привыкла. Сижу в телефоне, листаю ленту, и тут приходит уведомление.

Результаты НИПТ доступны.

Я открываю, читаю, и мир останавливается.

Высокий риск. Синдром Дауна. 1:12

Нет. Этого не может быть. Ошибка. Ошибка! УЗИ же хорошее, врач сказала — всё хорошо. Это ошибка, просто ошибка...

Я перечитываю десять раз. Двадцать. Слова расплываются перед глазами. Потом заливаюсь слезами. Громко, навзрыд, как в детстве, когда разбиваешь коленку и кажется, что боль никогда не пройдет.

Чарли воет. Поднимает морду к потолку и воет, будто чувствует мою боль.

В прихожей хлопает дверь.

— Настя? — голос Евсея. — Что за вой? Что случилось?

Я выбегаю в коридор, протягиваю ему телефон, захлебываюсь словами:

— Евсей, посмотри... результаты... высокий риск... синдром Дауна... что делать?

Он берет телефон, читает. Долго читает. Потом поднимает на меня глаза. И в этих глазах нет боли. Нет сочувствия. Нет даже растерянности. В них — лед.

— Понятно, — говорит он спокойно. — Значит, аборт.

Я не верю своим ушам.

— Что? Какой аборт? Евсей, это мой — наш! — ребенок! Мы столько лет ждали! Это может быть ошибкой, нужно пересдать...

— Никакой ошибки, — обрывает он. — Такие тесты не ошибаются. Ребенок с синдромом Дауна мне не нужен. Делай аборт, пока не поздно. Ты не понимаешь, что это такое, жизнь с ребенком-инвалидом?

Меня трясет. Руки дрожат, губы дрожат, колени подкашиваются.

— Ты... ты что несешь? — шепчу я. — Это же наш малыш! Ты не видел его на УЗИ, он такой крошечный, у него ручки-ножки, сердечко бьется...

— Хватит! — рявкает Евсей. — Хватит истерик! Я сказал — не нужен мне даун! Я здорового ребенка хочу!

И тут происходит что-то. В его глазах мелькает тень. Он отводит взгляд. И я понимаю. Не головой — нутром, кожей, каждой клеточкой понимаю.

— Евсей, — говорю я тихо-тихо. — Посмотри на меня.

Он не смотрит.

— Посмотри на меня! — кричу я. — Ты говоришь так, будто у тебя уже есть другой ребенок. Здоровый.

Молчание. Гробовое, страшное молчание.

— Евсей, — мой голос срывается в хрип. — Скажи мне правду. У тебя есть кто-то?

Он молчит. Смотрит в стену, в пол, куда угодно, только не на меня.

— СКАЖИ!

— Есть, — выдыхает он. — И она беременна. Здоровым ребенком. Я ее не искал, так вышло.

Мир рушится. Пол уходит из-под ног, стены плывут, воздух заканчивается. Я хватаю ртом воздух, но не могу вдохнуть.

— Что? — переспрашиваю я. — Что ты сказал?

— Ты слышала. — Он наконец поднимает глаза, и в них вызов. — У меня есть женщина. Мы уже полгода вместе. Она ждет ребенка. Здорового. А ты... извини, Настя, но ребенок с проблемами мне не нужен. У меня еще целая жизнь впереди.

Пощечина звучит как выстрел. Моя ладонь обжигает его щеку, отпечатывается красным. Глаза Евсея вспыхивают злостью.

— Ты с ума сошла?

— Это ты сошел с ума! — ору я. — Пятнадцать лет! Пятнадцать лет я тебе отдала! Ждала тебя ночами, терпела твои операции, твою усталость, твое равнодушие! Я ребенка от тебя хотела, а ты... ты...

Слова кончаются. Остается только боль. Дикая, разрывающая на части боль.

Я бегу в спальню. Нашу спальню? Нет. Мою спальню. Открываю шкаф, хватаю его вещи — рубашки, костюмы, свитера — и швыряю в коридор.

— Забирай! — кричу я. — Забирай свое барахло и убирайся!

— Настя, прекрати! — пытается он остановить меня, но я уже не слышу.

Я тащу его сумки, пихаю туда всё подряд — носки, галстуки, документы, которые нахожу в ящике.

— Ты не имеешь права! — орет он. — Квартира моя!

— Квартира общая! — ору в ответ. — А вот твои шмотки — забирай и катись к своей здоровой!

Я выталкиваю сумки за дверь, потом хватаю его за рукав и выталкиваю самого. Он спотыкается, хватается за косяк.

— Ты пожалеешь! — шипит он.

— А ты уже пожалел! — кричу я и захлопываю дверь.

Замок щелкает. Тишина.

Я сползаю по двери на пол и вою. Вою, как Чарли, который мечется рядом и пытается лизнуть мое мокрое лицо. Вою от боли, от предательства, от того, что жизнь, которую я строила пятнадцать лет, разбилась вдребезги за одну минуту.

За дверью шаги. Лифт. Тишина.

Он ушел.

Я одна. Совсем одна. С собакой и с ребенком, которого Евсей назвал ненужным.

— Что же мне делать? — шепчу я в пустоту. — Господи, что же мне делать?

Чарли ложится рядом, прижимается теплым боком.

Я обнимаю его и плачу.
Долго, навзрыд, пока слезы не кончаются.
А когда кончаются — понимаю, что решение уже есть…

Глава 3

Я не сделала аборт. Не смогла. И сейчас, глядя на свой огромный живот, понимаю — это было единственно правильное решение. Мой малыш толкается, пинается, требует внимания. Он живой. И он мой. Только мой.

Евсей приезжал один раз. Через месяц после того вечера. Просто вошел без стука — ключи у него остались, я забыла поменять замки.

— Ты еще здесь? — спросил он, увидев мой живот. — Я думал, ты сделала аборт.

Я смотрела на него и не понимала — как я могла любить этого человека пятнадцать лет? Чужой, холодный, с пустыми глазами.

— Уходи, — сказала я тихо. — Уходи, Евсей.

— Документы привез, — бросил он на тумбочку конверт. — От адвоката. На развод подавай. И на квартиру не рассчитывай.

— Все решит суд.

Он ушел. Даже не обернулся. Даже не спросил,как я себя чувствую, как малыш, нужна ли мне помощь. Просто исчез за дверью, оставив после себя запах одеколона и горечь предательства.

Чарли тогда долго сидел у двери и скулил. Скучал по хозяину. Глупый пёс.

Сегодня — новый день. Новый пациент. Я вернулась к работе месяц назад, поняла, что сидеть дома и убиваться — последнее дело. Нужно жить. Ради себя. Ради малыша.

— Анастасия Сергеевна, к вам пациент, — говорит секретарь по внутренней связи. — Без записи. Говорит, срочно. Военный.

— Пусть заходит.

Дверь открывается, и я забываю, как дышать.

В кабинет входит мужчина. Высокий. Очень высокий, под два метра. Широкие плечи обтянуты идеально сидящей военной формой, на погонах — генеральские звезды. Он красив. Настоящей, зрелой, мужественной красотой, от которой у женщин подкашиваются колени. Седина тронула виски, но лицо молодое — волевой подбородок, четкие скулы, прямой нос. И глаза... Серые, глубокие, как озеро перед грозой. И в этих глазах — такая бездна боли, что мне становится физически плохо.

— Добрый день, садитесь, — говорю я, указывая на кресло.

Он садится. Молчит. Смотрит в одну точку на стене. Руки сжимают подлокотники — пальцы сильные, ухоженные, но я замечаю, как они дрожат.

— Меня зовут Лев, — наконец говорит он. Голос низкий, грудной, с хрипотцой. — Лев Андреевич. Генерал. Я... мне сказали, вы помогаете. Мои товарищи, они обращались к Вам..после войны…

— Помогаю, — киваю я. — Рассказывайте, Лев Андреевич. Что случилось?

Он молчит долго. Минуту, две, три. Я не тороплю. Просто сижу и жду. В такие моменты нельзя давить — человек или закроется, или взорвется.

— Жена погибла, — говорит он наконец, и каждое слово падает в тишину, как камень в воду. — Моя вина. Я вел машину. Не справился с управлением. Она была беременна. На девятом месяце.

Воздух в кабинете заканчивается. Я смотрю на этого огромного, мощного мужчину и вижу, как по щеке у него ползет слеза. Он даже не замечает. Или ему все равно.

— Лев Андреевич... — шепчу я.

— Я жить не хочу, — перебивает он. —Не хочу. Каждое утро просыпаюсь и думаю: зачем? Ее нет. Сына нет. Я убил их. Я.

— Вы не убийца, — говорю твердо. — Вы несчастный человек, который попал в аварию. Это трагедия, но не преступление.

— Для меня — преступление, — он поднимает на меня глаза, и я тону в этой боли. — Я военный. Я приказы отдаю, людей веду. А свою семью уберечь не смог. Грош цена такому генералу.

Я начинаю говорить. Аккуратно, мягко, как учили. Вытаскиваю из него детали, факты, эмоции. Он рассказывает — отрывисто, жестко, иногда срываясь на хрип. О том, как они с Леной ждали сына. Как выбирали имя. Как она смеялась, когда он клеил обои в детской. И о той секунде — дождь, мокрая дорога, вылетевшая на встречку машина.

— Я вывернул руль, — говорит Лев. — Инстинктивно. Спас нас от лобового. Но не справился — в столб. Жена и сын погибли на месте.

Я слушаю и чувствую, как внутри разрастается боль. Не моя — его. Чужая, огромная, неподъемная. И моя собственная — от предательства, от одиночества, от страха за малыша. Две боли встречаются, переплетаются, и становится невыносимо.

— Лев Андреевич, — говорю я, — вы должны понять одну вещь...

И тут происходит это.

Сначала легкий толчок внизу живота. Потом еще один. Я морщусь, пытаясь не обращать внимания. Но вдруг чувствую тепло, стекающее по ногам, и понимаю — воды.

О нет. Только не сейчас. Только не здесь.

— Анастасия Сергеевна? — Лев вскидывает голову, видит мое лицо. — Вам плохо?

— Воды отошли, — шепчу я побелевшими губами. — Роды начались. А я одна... скорая... вызовите скорую...

Я пытаюсь встать, но схватка накрывает с головой. Дикая боль скручивает живот, я охаю и хватаюсь за стол. Лев вскакивает, оказывается рядом за секунду.

— Какая скорая? — рявкает он командным голосом. — Я отвезу. Сами. Где ключи?

— В сумке... но вы не обязаны...

— Молчите! — Он подхватывает меня на руки, и я чувствую, какие они сильные, надежные. — Держитесь. Я быстро.

Он несет меня через приемную, мимо ошарашенной секретарши, к лифту. Люди расступаются. Я вижу их лица — удивленные, испуганные. А мне все равно. Мне страшно. Очень страшно. Рожать одной, без мужа, без поддержки, с чужим мужчиной, у которого своя трагедия.

— Лев, — шепчу я между схватками. — Простите... я не хотела...

— Молчите и дышите, — говорит он, но так мягко, так тепло, что слезы наворачиваются на глаза. — Всё будет хорошо. Слышите? Всё будет хорошо.

В машине — огромный черный внедорожник — он укладывает меня на заднее сиденье, сам садится за руль. Мотор ревет, мы срываемся с места.

— Дышите, — командует Лев, глядя в зеркало заднего вида. — Дышите глубоко. Я довезу.

— У вас горе, — выдавливаю я. — А вы... меня спасаете...

— Мое горе никуда не денется, — жестко отвечает он. — А вы родите сейчас. И будете жить. И ребенок ваш будет жить. Ради этого стоит поторопиться.

Я сжимаюсь от очередной схватки и вдруг понимаю — этот чужой мужчина, этот генерал с разбитым сердцем, сейчас для меня ближе и роднее, чем Евсей за все пятнадцать лет. Потому что он здесь. Он рядом. Он не бросил.

В приемном покое суета. Меня перекладывают на каталку, Лев идет рядом, держит за руку. Медсестра что-то спрашивает, он отвечает. Потом вдруг накидывают халат прямо на форму, и кто-то говорит:

— Папаша, ждите здесь, скоро родите!

Лев замирает. Смотрит на меня. Я вижу его растерянность — впервые за этот час.

— Я не... — начинает он.

— Ждите, — шепчу я сквозь боль. — Пожалуйста. Не уходите. Мне страшно.

Он кивает. Сжимает мою руку на прощание и остается в коридоре. Один. У дверей родильной палаты.

А дальше — ад. Часы, которые тянутся бесконечно. Боль, крики, пот, слезы. Я теряю счет времени, теряю себя, теряю всё, кроме одной мысли: «Давай, малыш, давай, родной, мы справимся».

И когда кажется, что силы кончились, что я больше не могу, раздается крик. Тоненький, писклявый, самый прекрасный звук на свете.

— Мальчик! — говорит врач. — Здоровый мальчик!

Я теряю сознание.

...

Очнулась я от тишины. И оттого, что кто-то держит меня за руку. Открываю глаза — палата, мягкий свет, капельница. А рядом, на стуле, сидит Лев. Все еще в халате поверх формы. Уставший, но спокойный.

— Малыш? — шепчу я пересохшими губами.

— Здоров, — говорит он. — Абсолютно здоров. Риск не подтвердился. Слышите? Ваш сын здоров.

Я плачу. Слезы текут сами собой — от счастья, от облегчения, от неверия. Мой мальчик здоров. Мой малыш в порядке. Господь услышал.

— Спасибо, — шепчу я. — Лев, спасибо вам...

Он сжимает мою руку. Молчит. Но в его глазах — что-то новое. Не боль, не пустота. Тепло.

Дверь открывается. Входит врач — тот самый, что принимал роды.

— Лев Андреевич, — говорит он, глядя на генерала, — малыш здоров, все показатели отличные. Поздравляю! Вы отец?

Лев открывает рот, чтобы ответить, но вдруг за его спиной раздается голос. Голос, который я мечтала никогда больше не слышать.

— Я отец. Это мой ребенок. Мой здоровый сын.

Евсей. Он стоит в дверях палаты, одетый в больничную форму — наверное, просочился через знакомых. Глаза горят, а на губах — победная улыбка.

— Я отец, — повторяет он. — И я имею право видеть ЗДОРОВОГО сына!

Дорогие читатели! Сегодня максимальная скидка в первые дни продаж! Мне так хочется чтобы Вы прочитали дальше о героине, которая восстанет из пепла и обретет свое женское счастье! И Сможет ли генерал защитить Анастасию! Конечно и еще кое-что...

Забирайте!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.